

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

О переводах сочинений Аристотеля

В первом томе «Истории философии», выпущенном Институтом философии АН СССР в 1957 году, в разделе, посвященном античной философии, приводятся многочисленные цитаты из трудов древнегреческих философов, вернее, цитаты из разных переводов их сочинений.

Насколько верно и точно передают эти переводы мысли античных авторов?

Вопрос о точности перевода имеет большое значение. Ведь большинство читателей, в том числе и научные работники, знакомятся с произведениями античных философов (да и не только античных, но и современных зарубежных авторов) по переводам. Таким образом, представление о тех или иных философских системах и знание их читатель, как правило, получает не из первоисточника, а из вторых рук. Ясно, что труд переводчика не только очень сложен, но и чрезвычайно ответствен. Даже авторы многих научных работ, посвященных разбору и критике зарубежных философов, целиком доверяются переводчикам, и им невдомек, что порою они воюют не с концепцией того или иного философа, а с тем, что переводчик приписывает этому философу. Иногда в переводах фигурируют такие понятия и термины, которых в подлиннике нет, и затем на основании таких ложно приписываемых понятий создаются целые теории.

Не имея возможности судить обо всех переводах, мы бы хотели остановиться на переводах сочинений величайшего мыслителя древности — Аристотеля. В «Истории философии», в разделе об Аристотеле, там, где говорится об аристотелевской теории четырех видов причин (стр. 115), приводится, например, цитата из «Метафизики» в переводе А. В. Кубицкого (М.-Л. 1934): «Причина в одном смысле обозначает входящий в состав вещи <материал>, из которого вещь возникает — каковы, например, медь для статуи и серебро для чаши, а также их <более общие> роды» (стр. 79).

Разберем эту цитату. Если верить переводу, то из первой части фразы следует, что в состав вещи входит, кроме материала, еще что-нибудь (поскольку материал не составляет вещь, а «входит в состав вещи»). В действительности у Аристотеля такой мысли нет. Это видно уже из того, что в переводе слово «материал» прибавлено и поэтому взято в угольные скобки. Это же место слово в слово повторяется в «Физике» (кн. II, гл. 3), и вот как оно дано в переводе В. П. Карпова: «В одном значении причиной называется то, «из чего» как внутренне ему присущего возникает что-нибудь, например, медь — причина этой статуи или серебро этой чаши, и их родовые понятия...» («Физика». М. 1936, стр. 27). Этот перевод более близок к оригиналу, хотя и он является не совсем точным (неудачно переведено слово *enupárchontos* — *enupárcho*¹: «нахожусь в чем-нибудь» и совсем неверно *géne* — «родовые понятия»). Далее, непонятно, почему в переводе А. В. Кубицкого к слову «роды» добавлено в скобках «более общие»? Ведь объем рода всегда больше объема подчиненного ему вида.

Более серьезные возражения вызывает перевод следующей за этим фразы. В «Истории философии» говорится, что второй вид причин, по Аристотелю, — это форма, формальная причина; каждая вещь есть оформленная материя. И далее указывается: «Вместе с тем Аристотель, отступая от истины, утверждает, что форма составляет «суть» бытия» (стр. 115). В подтверждение этой мысли приводится цитата из той же главы «Метафизики»: «В другом смысле так называется форма и образец, иначе говоря — понятие сути бытия...» («Метафизика», стр. 79). Здесь слово «форма» есть перевод греческого *eidos*, а «понятие» — перевод слова *lógos*. Верно ли переведены эти два термина?

В греческом языке для «формы» есть и другое слово — *morphé*. Когда Аристотель говорит о материи и форме, он большей частью так и пишет: *hýle* и *morphé* («Физика», 192a, «Метафизика», 1023a 32 и др.). Почему же *eidos* в данном контексте и в других местах переведено словом «форма»? Действительно ли для Аристотеля *eidos* и *morphé* синонимы? Действительно ли «путает» Аристотель эти два термина? Нам представляется, что Аристотель вкладывает в эти два слова различное содержание, во всяком случае, в значениях их имеются разные оттенки. Доказательством может служить хотя бы то обстоятельство, что Аристотель часто пишет их рядом — *morphé* и *eidos* (см. «Физика». 193a 30—31, «Метафизика». 1060a 22, «О душе» 412a 8 и т. д.). Что же такое

¹ По техническим причинам греческие слова даны в латинской транскрипции.

eidos? Это слово имеет несколько значений (вид — в отличие от рода, внешний облик, качество, устройство и, наконец, идея в платоновском смысле). Не предreshая вопроса о том, как же следовало бы в данном контексте перевести термин *eidos*¹, мы хотели бы подчеркнуть недопустимость путаницы, непоследовательности. Конечно, слово, имеющее несколько значений, может и должно переводиться по-разному, в зависимости от контекста. Но если в одном и том же контексте слово *eidos* переводится, например, и как «вид» и как «форма» («Физика», стр. 18), или же в одном и том же абзаце и *eidos* и *morphé* переводятся одинаково словом «форма» (там же, стр. 19), то это уже вещь непозволительная. Или почему в одной и той же главе, рядом, *katà symbebekós* переводится «по совпадению», а *symbebekós* — «акциденция», *tò hypokeimenon* передается то как «субстрат», то как «подлежащее», хотя и в том и в другом случае это слово употребляется Аристотелем в онтологическом значении?

Чрезвычайную трудность представляет собой перевод слова *lógos*. Оно имеет в греческом языке более 50 значений. Нет сомнения, что в своих философских и логических сочинениях Аристотель употребляет это слово в разных значениях. Но столь же бесспорно, что перевести *lógos* словом «понятие» нельзя, ибо термина «понятие» во времена Аристотеля еще не существовало².

Приведем лишь два примера, свидетельствующие о явно неправильном переводе слова *lógos*.

В первой главе «Категорий» Аристотеля (М. 1939) приводится определение синонимов («однозначных» предметов). Вот как оно дано в переводе А. В. Кубицкого: «Соименными» («однозначными») «называются предметы, у которых и имя общее и понятие одно и то же, как, например («создание»), это — и человек и бык» (стр. 3). Совершенно непонятно, почему «понятие» человека и быка — одно и то же. Действительно ли Аристотель считал, что у человека и быка одно «понятие»? Под *lógos tes ousías* Аристотель, по всей вероятности, подразумевал здесь обозначение, определение сущности (или предмета).

Кстати, слово *zóon* здесь переведено, по нашему мнению, неправильно. Ведь если *zóon* и как синоним и как ономим переводится словом «создание», как это сделано в переводе Кубицкого, то исчезает различие между ономимом и синонимом. В первом случае, при определении Аристотелем ономима, следовало бы и в переводе оставить греческое *zóon*, ибо в русском языке нет такого омонимического слова, которое обозначало бы и «живое существо» и «изображение», как это обозначает *zóon*. Там же, где речь идет о синонимах, *zóon* нужно было бы перевести словом «живое существо», ибо и человек и бык — живые существа, а, по Аристотелю, «быть живым существом» и есть обозначение их сущности.

В качестве второго примера приведем перевод 5-й главы первой книги «Физики»: «Ведь общее известно нам по понятию, частное по чувству, так как понятие относится к общему, чувственное восприятие — к частностям, например, большое и малое известно по понятию, плотное и редкое — по чувству» (стр. 14, 189 а 5—9). Здесь целый ряд неточностей: *tò kath' hékaston* правильнее перевести «отдельное» или «единичное», а не «частное»; *tò katà meros* лучше перевести словом «частное» или «частичное», а не словом «частности». Но нас опять-таки интересует здесь главным образом перевод слова *lógos*. Что значит «большое и малое известно по понятию»? Признаться, нам это совершенно непонятно. По нашему мнению, выражение *katà tòn lógon* означает здесь: на основе рассуждения, сопоставления (или размышления).

Аристотель каждую свою мысль обыкновенно тут же иллюстрирует каким-нибудь примером, и вот уже из этих примеров ясно видно, что хотя *lógos* и имеет в разных контекстах разный смысл, но никогда не имеет значения «понятие». Перевод слова *lógos* словом «понятие» (как и неправильный перевод многих других философских и логических терминов) приводит к тому, что читатель обнаруживает в сочинениях Аристотеля то, чего в них на самом деле нет, поэтому он вкладывает в этот термин одно из значений, заимствованных из той или иной современной философской или логической системы.

Следует вообще сказать, что модернизация терминов является большим недостатком ряда переводов сочинений Аристотеля. Такое осовременивание, противоречащее принципу историзма, несомненно, представляет собой до некоторой степени искажение философского содержания. В значительной мере страдает этим недостатком перевод А. В. Кубицкого «Метафизика». В самом деле, разве правильно и правомерно писать: «с формально-логической точки зрения», «при формально-логическом подходе» («Метафизика», стр. 116, 117)? В другом месте, на стр. 203, *logikós* переводится: «под углом понятий». Ведь совершенно ясно, что во времена Аристотеля не существовало понятия «формальная логика». Или взять слово «натурфилософы» (там же, стр. 189). Всем известно, что такого понятия у Аристотеля не было и быть не могло. А у читателя с этим термином ассоциируется определенное направление в философии. Лучше

¹ Правильнее всего, быть может, было бы перевести *eidos* словом «вид» (или «идея»), так как сочетание его здесь со словом «образец» (*parádeigma*) показывает, что эти термины заимствованы у Платона, для которого вид (идея) есть образец вещи.

² Следует отметить, что хотя В. П. Карпов в своих примечаниях к «Физике» (прим. 26, стр. 180) говорит об отсутствии термина «понятие» во времена Аристотеля, тем не менее он в аристотелевском тексте почти везде переводит *lógos* словом «понятие».

было бы дать термин Аристотеля без перевода — «физиологи», с соответствующим, конечно, примечанием, или же «философы природы». Передает же переводчик на той же 189-й странице буквально: «в физических сочинениях» — или на стр. 203: «предмет физики», хотя и здесь слова «физические» и «физика» употребляются не в современном значении.

Возьмем для примера еще такую фразу: «Что же касается сущностей, их <все-го> три: во-первых, <сюда принадлежит> материя... во вторых, это — естественная реальность (phýsis), <выступающая> как нечто определенное, и некоторая положительная оформленность, к которой приходит процесс...» (там же, стр. 205, 1070a 9—12. Разрядка наша.— М. И.). Почему phýsis — «естественная реальность»? Разве для Аристотеля материя не есть «естественная реальность»? (согласно переводу получается, что для Аристотеля материя — одно, а естественная реальность — нечто другое). Ни «положительной оформленности», ни «процесса» в аристотелевском тексте нет. У Аристотеля написано лишь héxis tis, что означает просто некоторое состояние (или свойство, или способность).

И последний пример, взятый из той же 3-й главы кн. XII «Метафизики»: «Врачебное искусство есть здоровье в его логическом выражении» (стр. 205, 1070a 30). Здесь мы видим не только модернизацию, но и такое усложнение текста, которое делает мысль Аристотеля просто несурасной. Что же написано в греческом оригинале? «Врачебное искусство есть lógos здоровья». В данном контексте «логос» может означать «объяснение», «учение», «наука». Врачебное искусство не может быть здоровьем ни в логическом, ни в алогическом выражении, оно есть учение (наука, объяснение) о здоровье.

Случаев такого неверного, усложненного и модернизированного перевода бесчисленное множество и в «Метафизике», и в «Категориях», и в «Физике», и в других переводах аристотелевских сочинений. Могут сказать, что отыскать отдельные ошибки и неточности можно в любом, даже самом лучшем переводе. Это верно. Но речь идет не об отдельных погрешностях в переводах сочинений Аристотеля, а о неправильных принципах перевода, в первую очередь о модернизации, об усложнении текста перевода, о введении несвойственных автору оригинала понятий и терминов.

Аристотель мыслил и писал гораздо проще и понятнее. За две тысячи с лишним лет об Аристотеле и его философии написано столько книг, образовалось столько комментаторских наслоений — и схоластически-средневековых и буржуазно-идеалистических, — что очень значительная часть переводчиков (не только и не столько у нас, сколько главным образом в Западной Европе, особенно в Германии) воспринимала Аристотеля не «чистого», подлинного, а сквозь призму всех этих вековых наслоений. В переводах слишком часто теряется то, о чем писал В. И. Ленин при конспектировании «Метафизики» Аристотеля, — «масса архиинтересного, живого, *наивного* (свежего), вводящего в философию и в изложениях заменяемого схоластикой...» («Философские тетради». 1947, стр. 303).

Переводчики, стоявшие на точке зрения формальной логики, кантианства, гегельянства, и т. д., и т. п., в той или иной мере извращали философское содержание аристотелевского текста, навязывая ему свою собственную, субъективную точку зрения. При всех других равных условиях (знание философии Аристотеля и знание греческого языка) дать наиболее объективный перевод можно только с позиций марксизма-ленинизма, строго придерживаясь принципа историзма, исключая всякий субъективизм и произвол.

Всестороннее философское образование невозможно без знания истории философии. В истории же философии и логики Аристотель занимает видное место. Вот почему нужны переиздания важнейших сочинений Аристотеля, где были бы максимально устранены как вышеуказанные, так и многочисленные другие недостатки, имеющиеся в существующих переводах.

М. И. ИТКИН